

УДК 130.2

*И.В. Левитская**

КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ Л. УАЙТА: PRO ET CONTRA

Статья посвящена рассмотрению проекта культурологии, предложенного Л. Уайтом. В центре обсуждения – вопросы, связанные с трактовкой предмета культурологии, ее научного статуса и специфики методологического аппарата. Обзор основных положений концепции культуры Л. Уайта осуществляется в контексте анализа тех проблем, перед которыми стояло познание культуры в XX в. Особое внимание уделяется сопоставлению классического и неклассического подхода к интерпретации культуры.

Ключевые слова: культура, культурология, методология, науки о культуре, антропология, символический порядок, свобода.

Д-р Лесли Уайт стал основоположником дискуссии о научном статусе культурологии, отрасли знания, практическая востребованность которой сегодня уже не вызывает сомнений, в то время как ее предметные и методологические ориентиры широко обсуждаются гуманитариями – философами, историками, социологами, литературоведами и культурологами. Обращение к проекту науки о культуре, предложенному Л. Уайтом, позволяет прояснить ряд важнейших аспектов указанной дискуссии, позиции ее участников и некоторые особенности формирования культурологии в российской науке. Кроме того, проект Л. Уайта, на наш взгляд, весьма интересен в связи с анализом тех проблем и противоречий, перед которыми стояло познание культуры в XX в. (и, заметим, многие из которых не смогло разрешить и сегодня).

С чего начинается новое направление в науке? «Только в ходе выявления и решения *конкретных* (здесь и далее курс. авт. – *И.Л.*) проблем, – отвечает на этот вопрос Макс Вебер в “Критических исследованиях в области логики наук о культуре”, – а отнюдь не благодаря чисто гносеологическим или методологическим соображениям...» [1, с. 9]. Иначе говоря, появление в тематическом поле исследования тех проблем, которые не удается разрешить с помощью имеющихся средств и методов, побуждает исследователей разрабатывать новые. Следует отметить, что

* © Левитская И.В., 2011

Левитская Ирина Виленовна (levits_iv@mail.ru), кафедра теории и истории культуры Самарского государственного университета, 443011, Россия, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

эти строки написаны в период наиболее бурных дискуссий о специфике методологии в области наук о культуре. Именно тогда и сложился тот круг исследователей, для которых выявление своеобразия познания культуры стало важнейшей научной проблемой. Л. Уайт включается в эту дискуссию сравнительно поздно, в 1930-х годах, и в фундаментальном исследовании 1949 года предлагает свою версию разработки теоретических оснований «науки о культуре» [2].

Л. Уайт аргументировал необходимость утверждения культурологии в качестве нового направления в науке наличием «отдельного класса явлений», анализ которых невозможен средствами уже существующих наук, как естественных, так и гуманитарных – социологии, психологии, истории. Тем самым американский антрополог выделил важнейшее направление дискуссии – проблему специфики культурного бытия и методов его изучения. Рождение культурологии не могло бы состояться, если бы, во-первых, гуманитарии (исходя, разумеется, из анализа собственного тематического поля исследований) единодушно не признали культуру в качестве особого порядка, отличного от других. Во-вторых, если бы не были выделены не только специфический строй этого порядка, но и необходимость поиска специального инструментария для его анализа. Именно к этим выводам и приходит Л. Уайт, ссылаясь в своей аргументации на работы известных антропологов и социологов – Э.Б. Тайлора, Р.Г. Лоуи, Бернарда Д. Стерна, Э. Дюркгейма, А. Крёбера и др.

По мнению Л. Уайта, впервые понимание культуры в качестве особого уровня реальности было представлено профессором Альфредом Луисом Крёбером в известной статье «Сверхорганическое» (1917). Учитывая, что дефиниция «наук о природе» и «наук о духе» была оформлена В. Дильтеем еще в 1890-е годы, а различия между науками о природе и науками о культуре были аргументировано проанализированы Г. Риккертом в 1910 г., необходимо уточнить: А. Крёбер впервые в *антропологии* последовательно изложил основы интерпретации культуры как суперорганического уровня реальности. Философское постижение культуры было направлено в XIX в., прежде всего, на выявление самой идеи культуры, общих ее оснований. Антропологи первыми обнаружили многообразие культурного опыта человечества и обратились к изучению механизмов, обуславливающих различия и сходства между отдельными культурами.

Разностороннее и детальное описание культурных феноменов в европейской науке XIX века, в том числе и в антропологии, существенно изменило направление развития культурологического знания. Начало этого широкого движения приходится на 50-е годы XIX века, время, когда уже сформировалась традиция философского постижения культуры как особого способа человеческого бытия. По сути дела, антропологи побудили философию культуры перейти от умозрительного рассмотрения «общего духа культуры» к исследованию самой принципиальной возможности культурного разнообразия.

Поразительно, как много времени потребовалось науке, чтобы утвердить понимание культуры в качестве специфического универсума. Именно поэтому Д. Бидни назвал концепцию «сверхорганического» «коперниковской революцией» [3, с. 71], а В. Межуев обозначил общий поворот наук в XX веке в сторону культуры как «культурологический бум» [4, с. 13]. Тезис А. Крёбера о том, что культуре присуща иная логика, нежели неорганическому и органическому уровням реальности, был положен в основу построения культурно-исторической модели антропологии [см., напр.: 5, с. 17–18]. В своих поздних работах – втором издании «Антропологии» (1948) и сборнике «Природа культуры» (1952) – антрополог выдвинул положение, значительно сближающее его позицию с подходом В. Дильтея, Г. Рик-

керта и М. Вебера: культуру необходимо изучать не только как «сверхорганический опыт», но и как «сверхсоциальный», что обуславливает и поиск особых методов ее исследования. К аналогичным выводам о специфике культурологического познания пришел и Л. Уайт.

Характеризуя культуру как экстрасоматический (супрабиологический) класс событий, Л. Уайт выделил новый уровень эволюции, связанный с формированием способности человека воспринимать мир с помощью символов. «Возникновение способности к символизированию, — отмечает антрополог, — имело своим результатом возникновение нового порядка явлений — экстрасоматического, культурного порядка» [2, с. 51]. Ни одна из существующих наук, подчеркивает Л. Уайт, не изучает мир символов и знаков как особый континуум, имеющий собственные законы функционирования и развития. Происхождение культуры (да и самого человека как человека разумного) обусловлено рождением способности человека к символизации. Именно способность использовать символы, а не создавать орудия труда, является основным отличием человека, основным средством его деятельности, обеспечивающим эффект непрерывности в его опыте, опору на традицию. Важнейший аспект культурологии, изучение культурогенеза и сущности культуры, следовательно, необходимо связать с символической природой сознания человека.

Это, пожалуй, наиболее значимый и наиболее спорный вывод антропологического проекта культурологии: ведь в этом случае в центре исследовательского интереса оказывается не человек/социум как творцы культуры, а культура как сила, созидаящая человека. Там, где Д. Бидни усмотрел «культуралистскую ошибку», заключающуюся «в простом абстрагировании культурных достижений от породившего их контекста социального поведения» [3, с. 87], Л. Уайт увидел значительные перспективы для развития культурологии, связанные с пониманием культуры как символической реальности.

И в этом выводе Л. Уайт не был одинок. К тому моменту, когда антрополог предложил свой проект культурологии, в философии уже сложилась стойкая традиция изучения символического начала культуры. Решающий шаг в осмыслении символа в качестве сущностной характеристики мира человека сделал Эрнст Кассирер, разработавший в фундаментальном труде «Философия символических форм» (1923–1929) понимание человека как *animal symbolicum* («животное символическое», т. е. животное, созидающее символы). Качественное отличие мира человека Кассирер связал с его способностью создавать символы и с помощью символических форм — искусства, мифа, науки, религии, языка — строить мир культуры. Таким образом, человек живет не только в физическом, но и в символическом универсуме [6, с. 471].

Концепция культуры Э. Кассирера и подход Л. Уайта, безусловно, имеют много общего. Речь идет не только о понимании символической природы человека, но и об открытии той огромной власти, которую имеет культура над человеком. Подобно Кассиреру, видевшему в символической реальности своеобразного искусственного посредника между человеком и миром, без вмешательства которого человек «не может ничего видеть и знать» [6, с. 471], Л. Уайт утверждал, что «люди чувствуют, мыслят и действуют именно так потому, что они обладают определенным обычаем (или, точнее сказать, сами находятся в его власти)» [2, с. 89]. Идея о том, что символический порядок структурирует наше восприятие реальности и задает программы человеческой деятельности, безусловно, оказала огромное влияние на становление культурологического познания. Однако если для Кассирера она стала отправной точкой для обоснования невозможности научного изучения культуры,

то для Л. Уайта — основанием проекта культурологии как новой науки о культуре. Заметим, что сам Уайт, несмотря на значительный интерес к философии, не покидавший исследователя на протяжении всей его жизни, игнорирует философский аспект анализа культуры как системы символических форм, а родоначальники данной традиции даже не входят в круг упоминаемых Уайтом авторов. Не удивительно, что антропология в этом случае названа первой дисциплиной, чье предметное поле стало включать культуру как особый класс явлений символического характера. Однако в таком умолчании скрыт глубокий смысл.

Э. Кассирер, сделавший решительный шаг в осмыслении символа в качестве сущностной характеристики человека, его отличия от животного, обосновал положение о том, что наука принципиально не может постигнуть это отличие, поскольку оно связано со свободой человека, а не с природными или социальными детерминантами его существования. Может ли наука сделать предметом своего исследования культуру как сферу свободы? Нет. По мнению В. Межуева, только в современном обществе возникают условия, благодаря которым культура (в лице, например, массовой культуры) перестает быть и мыслиться как сфера индивидуальной свободы. «Культура, — отмечает В. Межуев, — либо выносятся за пределы свободы, либо трактуется как состояние, навсегда ушедшее в прошлое (отсюда тема кризиса, заката европейской цивилизации). Это и стало причиной переноса центра тяжести в осмыслении культуры с философии на науку, повлекшего за собой смену приоритетов: то, что сегодня называется культурологией, фактически вытеснило и подменило собой философию культуры» [4, с. 78]. На наш взгляд, возможна и иная интерпретация осмысления предмета культурологического познания.

Проблема предметного самоопределения культурологии и по времени, и по сути совпадает с дискуссией о специфике гуманитарного познания. Сторонников идеи специфики «наук о культуре» объединяет положение о непродуктивности изучения культуры на основе каузального подхода, путем выделения общего, закономерного в ее развитии. Культура творится человеком, его индивидуальным творческим актом. В культуре явление тем более всеобщее, чем более оно индивидуально.

Л. Уайт высказал прямо противоположную точку зрения: науки о культуре прокладывают себе путь в борьбе против старой философии свободной воли [2, с. 120]. Вся гамма человеческой жизни детерминирована культурой, не люди обладают культурой, культуры обладают теми людьми, которые в них рождены. Подобно многим своим современникам, Л. Уайт увидел в культуре механизмы власти и подчинения, а сами культурные явления охарактеризовал как супрапсихологические детерминанты человеческого поведения. Эти детерминанты усваиваются человеком бессознательно, вслед за Крёбером подчеркивал Л. Уайт [2, с. 177], представления о свободном выборе и воле — это иллюзия. «Когда одна совокупность причинных факторов перевешивает другую, — заключает исследователь, — мы называем это “выбором” или “решением”» [2, с. 193]. Индивид таков, каким его делает культура, «его сознание является всего лишь экраном, на который проецируются бессознательные факторы общества и культуры» [2, с. 175], и в этом смысле он только место, где протекают культурные процессы.

Следовательно, продолжает Уайт, необходимо отвергнуть отстаиваемую науками о культуре антропоцентрическую предпосылку, согласно которой человек выступает творцом культуры, создавая ее через творческий акт, где берет свое начало всякий элемент культуры. Любая новация в культуре — это событие в культурном процессе, представляющее собой «новое сочетание или синтез элементов во взаимодействующем потоке культуры», а творческий акт — это реакция организма че-

ловека на определенные культурные стимулы [2, с. 186]. Именно так Л. Уайт предлагает культурологически объяснять возникновение любого значимого события культурного прогресса. Вариативность и многообразие культурного процесса — это результат действия различных культурных стимулов. Напоминая высказывание Крёбера о том, что цивилизацию формируют не творческие лидеры общества, а определенные закономерности развития, Л. Уайт оспаривает модернистскую интерпретацию культуры, согласно которой общество, культура и собственный мир человека подчинены его воле, им созданы и ему подконтрольны. «В процессе культурного развития, — резюмирует антрополог, — Великий Человек является всего лишь тем организмом, в нервной системе которого совершается значимый синтез элементов культуры» [2, с. 304]. Подобно тому, как общество рассталось с иллюзией господства над природой, следует расстаться и с антропоцентристским представлением о власти человека над культурой и обратиться к изучению каузальных связей в сфере культуры с тем, чтобы прогнозировать направления ее динамики, — таковы выводы Уайта о задачах культурологии. И с ними трудно согласиться сегодня.

Эти положения, наряду с доктринами культурного детерминизма и эволюционизма, отчетливо демонстрирует приверженность американского антрополога классическому идеалу рациональности, позволившему культурологии утвердиться в качестве самостоятельной области исследования: выработать ведущие принципы анализа, сформировать свой понятийный аппарат, соответствующий избранной предметной реальности, — словом, пройти весь путь теоретического самоопределения в соответствии с традициями классической науки. Необходимо подчеркнуть, что без этого пути неклассическая интерпретация культуры в контексте идеи свободного явления оказалась бы очередным утопическим проектом, так как не основывалась бы на понимании принципиальной несвободы человеческого существования. Этот парадокс культуры С. Жижек охарактеризовал как «насильственный выбор свободы» [7, с. 167].

Категоричность утверждений д-ра Уайта — весьма благоприятная почва для его критики. Именно бескомпромиссность Уайта не позволила ему «заметить» одну из самых ярких тенденций науки XX века, связанную с открытием нелинейного характера развития общества и культуры, а также роли случайных факторов в этом процессе. Как очень точно подметил Г.Э. Барнс, культура превращается для абстрактно теоретизирующего Уайта «в нечто вроде бульдозера или мощного танка, который стирает из поля зрения личностный и случайный фактор» [8, с. 41]. Безусловно, продуктивнее было бы соотнести закономерное и случайное, всеобщее и индивидуальное в культуре.

Не менее спорным является тезис Уайта о культурологии как *науке* о культуре, в то время как сегодня все больше исследователей видят в культурологии сферу научного знания, сочетающую в себе *несколько наук* о культуре.

И все-таки существует вывод д-ра Уайта, с которым хочется согласиться без всякой полемики. Он касается перспектив развития культурологии как молодой, но многообещающей области научного познания, которой предстоят великие свершения [2, с. 420]. Эти свершения связаны с прогностической функцией культурологии, ориентацией ее на идеалы гуманизма. «Культура дала человеку власть и контроль, — отмечал Л. Уайт в докладе “Человек, культура и люди в подлинном смысле слова”. — Но платой за это стала зависимость человеческого рода. Нас, зажатых в тиски культуры, неумолимо влечет все дальше, и мы должны бесстрашно встретить все то, что нам предстоит... Когда-то в прошлом человек мог погибнуть, если бы не помощь культуры. Но сегодня он может быть уничтожен *вследствие* культуры, исчезнув с лица земли в огне термоядерного взрыва» [9, с. 617].

Человек, самое бренное и самое ценное из творений культуры, единственный смысл ее бытия, призван избежать самоуничтожения и построить «более прекрасный и великодушный мир» [9, с. 618]. Помочь ему в этом – подлинное предназначение культурологии.

Библиографический список

1. Вебер М. Критические исследования в области логики наук о культуре // Культурология. XX век. Антология / гл. ред. и сост. С.Я. Левит. М.: Юристъ, 1995. С. 7–54.
2. Уайт Л. Избранное: Наука о культуре. М.: РОССПЭН, 2004. 960 с.
3. Бидни Д. Концепция культуры и некоторые ошибки в ее изучении // Антология исследований культуры / сост. С.Я. Левит. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 57–90.
4. Культурология как наука: за и против: круглый стол, Москва, 13 февраля 2008 г. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2009. 108 с.
5. Крёбер А.Л. Конфигурации культурного роста // Крёбер А.Л. Избранное: Природа культуры. М.: РОССПЭН, 2004. 1008 с.
6. Кассирер Э. Опыт о человеке // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. 784 с.
7. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. 236 с.
8. Барнс Г.Э. Моя дружба с Лесли Уайтом // Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. С. 5–44.
9. Уайт Л. Человек, культура и люди в подлинном смысле слова // Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 960 с.

*I.V. Levitskaya**

THE PROJECT OF CULTUROLOGY OF L. WHITE: PRO ET CONTRA

This article considers the project of culturology of L. White. In the main focus there are the questions of subject matter, academic status and basic theoretical aspects of the cultural studies. The review of the main ideas of the concept of L. White is given in the context of the analysis of the essence of the so-called «culturological turn» in philosophy of XX century. The special attention is given to the problem of classic and non-classic approaches to understanding culture.

Key words: culture, culturology, methodology, cultural studies, anthropology, symbolic order, freedom.

* *Levitskaya Irina Vilenovna* (levits_iv@mail.ru), the Dept. of Theory and History of Culture, Samara State University, Samara, 443011, Russia.